



ГОВОРИ
СО МНОЙ
ЧЕРЕЗ РОТ

Тори Кинкевич

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тори Кинкевич

Говори со мной через рот

<https://litres.ru/73892604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они живут напротив. Она — в старом доме посреди леса. Он — в квартире, где каждый вечер зажигается балкон.

Ида не ищет встреч. Фен не верит в совпадения. Но лето затягивается, окна остаются открытыми, и однажды тишина между ними становится тяжелее, чем любой разговор.

Это история о двоих, которые привыкли быть одни. О взглядах сквозь стекло. О запахе, который невозможно забыть. И о том, как трудно сказать главное, когда всю жизнь учился молчать.

Они не спасут друг друга. Может быть, просто останутся рядом. Но разве этого мало?

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Тепло | 4 |
| Глава 2. Напротив | 7 |
| Глава 3. Потом | 11 |
| Глава 4. Не уходя | 14 |
| Глава 5. Незнакомцы | 19 |
| Глава 6. Огни | 26 |
| Глава 7. 42 | 30 |
| Глава 8. Зажигалка | 35 |
| Глава 9. Вишня | 45 |
| Глава 10. Предел | 53 |
| Глава 11. Освобождение | 56 |
| Глава 12. Домой | 63 |
| Глава 13. Эхо | 69 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 72 |

Говори со мной через рот

Глава 1. Тепло

2018

Иде с трудом удавалось сфокусировать взгляд на очереди впереди неё. Все силы уходили на то, чтобы просто оставаться на ногах – столько было выпито. В руках она держала бутылку рома, обнимая её куда нежнее, чем многих людей.

«Ублюдож, – повторялось у неё в голове. – Если карма существует, ты сейчас должен валяться в канаве, обглоданный крысами».

При мысли об этом её лицо просияло улыбкой. Резкое умиротворение качнуло тело назад.

«Тепло».

Секунд десять она опиралась на источник тепла, прежде чем задумалась о его природе. Даже осознав картину, Ида не отшатнулась – просто запрокинула голову на чужое плечо, ещё сильнее прильнув к широкой груди позади неё.

Мужчина смиренно стоял и смотрел на неё сверху. В одной руке у него была корзина с обычным набором продуктов на двоих, а вторая спрятана в карман спортивных штанов, готовая в любую секунду выскочить и подхватить девушку.

Глаза мужчины широко раскрылись, когда девушка резко повернулась и понюхала его.

Такое открытое проявление внимания, такая интимность и такое бесстыдство были для него в новинку.

– Вкусно – процедила Ида.

Она заглянула ему в глаза.

– Что мне сделать, чтобы ты отдал мне свою худи?

Сама ситуация была абсурдной, и в ней легко можно было найти смешное, но молодого человека позабавило другое – абсолютная невозможность девушки сконцентрироваться на одной точке. Её взгляд бегал между его зрачками в ровном, почти укачивающем ритме.

«Такому алкоголь не научит, – подумал он. – Её собеседников не укачивает?»

– Следующий! – раздражённо позвал кассир.

Ида резко отстранилась, отдала бутылку, расплатилась и вышла из магазина, не удержав в памяти только что произошедшее.

Магазин был в пяти минутах от дома, который она сняла на это лето.

Её очередные отношения закончились крахом. Год вместе. Отношения, в которых она ни разу не услышала «я люблю тебя», но каждый день слышала «сделай мне хорошо».

Ида замерла, держась за ручку калитки.

– Ублюдок, – уже вслух сказала она, откупоривая бутылку и делая глоток.

Голова закружилась.

Не от выпитого, а от странного чувства дежавю.

Запах. Такой вкусный.

Но из каких он воспоминаний?

В этот момент на её плечи аккуратно легла чёрная худя.

Ида уткнулась носом в своё плечо, вдохнула и только после этого подняла взгляд.

Перед ней стоял мужчина в футболке какого-то спорта, не просто ей неизвестного, а, казалось, неизвестного вообще никому. Он остановился рядом, посмотрел на неё с усмешкой, щёлкнул пальцем по носу и спокойно, будто они были знакомы не одно десятилетие, сказал:

– Не за всё в этой жизни нужно расплачиваться.

Подмигнул и пошёл прочь, оставив на девушке своё тепло и запах.

Ида смотрела, как он уходит вглубь жилого комплекса, стоящего напротив её дома.

«Вкусно» – подумала она ещё раз, вдыхая запах с плеча, и медленно зашла во двор, направляясь в дом.

Глава 2. Напротив

Фен завернул за угол первого же дома, вошёл в подъезд и, поднявшись на третий этаж, сделал два оборота ключа. Домом это место он уже давно не чувствовал.

Пять лет он делил пространство с человеком, которого и чужим не назовёшь, но и повода расстаться будто бы нет. У всех ведь так же. Лучше, чем

– Блять, Марина, я же просил развесить вещи, как они достираются. Ты целый день дома была. Какого хуя? – включился режим бытового зануды. – Я попросил тебя только об одном.

– Я вообще-то тоже работала, – огрызнулась она.

– Ты полдня слала мне всратые мемы.

– Будто ты ничего не забывал. Зачем сразу орать?

Если бы у этой сцены были свидетели и им отключили звук, они бы увидели картину, полностью противоположную реальным эмоциям: спокойный мужчина с потерянным взглядом и женщину, эмоции которой менялись быстрее, чем дилер раздаёт карты. Непробиваемая «рука» из скуки, пренебрежения, задетого эго и джокерной обидки.

– Похер. Там почти всё твоё. Хочешь – перестирай. Или оставь так. Пусть сгниёт.

– Прекращай. Я сейчас всё сделаю, – Марина сделала звук на телевизоре погромче и направилась на кухню, включая

машинку заново, на полоскание.

Фен в этот момент закидывал продукты в холодильник. Желание отравить их обоих было слишком сильным, чтобы готовить ужин. Да и аппетит пропал.

– Что у нас сегодня на ужин? – стараясь сбить накал, ворковала Марина и, подпрыгнув, села на столешницу.

Фен щёлкнул истёртые кнопки на кофемашине, которая налила ему американо в старую кружку.

– Я сыт, – «тобой по горло». – Придумай себе что-нибудь сама. В морозилке ещё вроде пара каких-то супов остались, – бросил он, уже выходя из кухни.

Фен закрылся на балконе и с кружкой горячего кофе и сигаретой наконец расслабился. Облокотившись локтями о карниз, в темноте он вперил взгляд в огонёк сигареты и выводил им плавающие узоры. Курить не тянуло. Но только сюда его девушка никогда не заходила.

Напротив, в частном доме через улицу, на веранде второго этажа зажглась подсветка.

Дом пустовал уже пару лет. Пару раз за пять лет туда приезжали разные люди, но исчезали так же быстро, как появлялись. Фен привык к тёмному горизонту. Дом стоял среди деревьев и настолько слился с пейзажем, что любые признаки жизни в нём казались странными.

Из тёмной комнаты под жёлтый свет фонариков на террасу вышла фигура в чёрной худи с обнажёнными ногами.

Фен сразу узнал свою худи.

На груди красовалась вручную вышитая фраза азбукой Морзе. Никому, кроме него, не было дела до того, что там написано. А его она грела. Цитата из любимившейся ему истории – милый способ получить лёгкий дофамин.

Теперь он видел эту фразу на девушке, идущей босыми ногами по старым деревянным полам.

Она поставила бутылку и бокал на столик, закинула ноги на перила и открыла книгу. Чёрная худя сливала её с темной, и только голые ноги оттенялись жёлтым светом круглых фонариков. Капюшон скрывал лицо.

Фен перебирал варианты: что она читает, как выглядит её лицо, какие эмоции сейчас на нём. Сострадает ли она героям. Напряжены ли брови. Кусает ли губу, захваченная сюжетом.

Она скинула капюшон, но ответов он так и не получил – расстояние скрывало детали.

Отпив из бокала, девушка приподняла край худы к носу и глубоко вдохнула.

Фен перестал дышать.

Этот маленький жест обрушился на него всей тяжестью того, чего ему не хватало. Каждый день. Всю жизнь.

Шок парализовал тело. Потухшая сигарета так и осталась между пальцами.

Пальцы девушки проскользнули под худю.

«Покажи обложку».

– Бургеры заказываю. Тебе взять что-нибудь? – звала из

кухни Марина.

Шум был как будто издалека, и его так легко было игнорировать.

Вторая рука Иды всё ещё держала книгу – было очевидно, что именно слова, написанные когда-то давно неизвестным Фену автором, взволновали её. Движения становились быстрее, скрытые одеждой не по размеру. В последний момент её ноги скрестились, упершись в перила, и несколько судорог прошли по телу.

Расслабившись, она положила раскрытую книгу на живот, поиграла льдом в бокале, так и не отпив. Из мыслей её вывело мяуканье показавшегося кота.

Только когда девушка вернулась в дом, мышцы Фена позволили ему пошевелиться.

Ему не было стыдно, что он не отвернулся. Он не позволил себе подумать об этом.

Единственная мысль была простой: эта худи была создана для неё.

Конечно, он возбудился.

Глава 3. Потом

Фен вернулся в комнату. Он всё ещё был возбуждён. Не телом – импульсом, инерцией.

Он сел рядом с Мариной так, как делал это десятки раз. Тихо, с запасом пространства. Улыбка – мягкая, проверенная годами.

– Устала? – спросил он.

Ему было всё равно. Таков ритуал.

– Я просто думаю, – сказала Марина, не глядя на него. – Надо завтра заехать за шторой в спальню. Если не забуду, конечно. И ещё бельё я поставила на дополнительное полоскание, но оно жёсткое какое-то стало. Надо поменять порошок.

Конечно. Порошок. Всегда порошок, не воздух, не солнце, не то, что оно пролежало весь день, как дохлая рыба. Нет, виновата не ты, не твой день – виноват порошок. Его, конечно, нужно сменить.

Фен положил ладони ей на голени. Медленно. Почти внимательно. Начал разминать. Ему важно только движение рук и ощущение кожи под пальцами.

– Ммм, – отозвалась она автоматически. – Слушай, а ты помнишь, что в сентябре у мамы юбилей? Я думаю, может, взять подарок заранее. К осени могут цены подняться.

Каждое её слово было как тягучая масса, которая медлен-

но бетонировала всё внутри, обволакивая импульс.

Он поцеловал её колено. Потом выше. Медленно, нарочито не торопясь, будто этим темпом можно было подстроиться под её ритм.

Его ладонь задержалась. Он почувствовал, как внутри нарастает давление. Как если бы он кричал под водой: действие есть, а звука нет.

Он наклонился ближе, коснулся губами её шеи. Легко. Как ей нравилось.

– Фен, подожди, – сказала она. – Я сейчас. Я только развешу бельё, а то снова забуду.

Она встала, аккуратно высвободившись из его рук, прошла мимо, уже на ходу перечисляя:

– И ещё надо не забыть оплатить страховку за машину. Я поставлю напоминание.

Он остался сидеть.

Фен откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Возбуждение никуда не делось. Оно стало плотнее, тяжелее, требовательнее.

Из кухни доносились звуки: щёлкнула дверца машинки, зашуршала ткань, металлический скрип сушилки. Всё происходило потом. Завтра. Чуть позже. Впереди. Не сейчас.

Он не думал о Марине. И он не думал об Иде. Он вообще ни о ком не думал – только о том, как прекратить это внутреннее напряжение, этот тупой, глухой перегруз.

Его рука скользнула под ткань брюк. Движение было при-

вычным, холодным, равномерным.

Он смотрел в потолок. В белую точку старой трещины. Слушал, как капает вода в раковине. Как Марина что-то напевает тихо, без слов.

Короткая фантазия. Даже не образ – вспышка. Газ и спичка.

Разрядка.

И сразу пусто.

Фен протёр живот внутренней стороной футболки.

Когда Марина вернулась, вытирая руки о полотенце, он уже сидел иначе. Собранно. Закрыто.

– Ну вот, – сказала она. – Я освободилась. Можем – она замялась, словно пробуя момент на вкус. – Ты хотел?

Он посмотрел на неё. Впервые за вечер – по-настоящему.

– Уже нет, – сказал он спокойно.

Марина нахмурилась.

– В каком смысле?

– Ни в каком. Просто прошло.

Она постояла, будто ожидая продолжения. Потом пожала плечами – не обиженно, а как будто «ну и ладно».

– Хорошо, тогда я в душ. Не забудь меня разбудить завтра пораньше.

Она ушла.

Фен остался один. Теперь уже окончательно.

Он посмотрел на потолок комнаты.

Ещё чуть-чуть. Скоро.

Глава 4. Не уходя

Очередное утро. Как сотни других – до безобразия одинаковых.

Рутинa одного дня, клонированная сотни раз. Просто взрослая жизнь. Работа, дом и редкие вылазки в общество, чтобы доказать самим себе, что ты где-то в этом мире ещё существуешь.

Ида и Фен не исключение.

Она – художник в издательстве.

Он – стратег в рекламном агентстве.

Звучит сложно. Звучит важно. Звучит чертовски интересно. Ровно до того момента, пока ты не пришёл в профессию.

Через семь лет у Фена была папка с готовыми концепциями под любое ТЗ. Большинство задач сводилось к комбинации уже опробованных решений, логотипу и слогану. Иногда он делал вид, что работал всю ночь, просто чтобы выбить себе удвоенный выходной.

Раз в год-два появлялся клиент, который действительно хотел что-то новое. В такие дни Фен расцветал. Погружался в исследования, генерировал идеи пачками и легко затыкал любого, кто пытался влезть со своим «а не слишком ли это».

Ради таких дней можно было терпеть все остальные.

Почему он не уходил?

А зачем? Везде так. Да и если каждый проект будет изу-

мрудом, к тридцати он присоединится к печально известному кругу – единственный менеджер среди богов культуры, плюс опоздавший на три года. Какой стыд. Ну уж нет.

Ему нравилась его жизнь. Относительно.

Ида ушла недалеко.

Папка «Ссыкунам» содержала тысячи иллюстраций за семь лет работы в издательстве. На каждое «не так, как я представляла» в ответ уходил кастрированный вариант – таких на рынке хватало.

Ида штамповала обложки, форзацы и внутренние иллюстрации, хотя её любимый стиль почти не использовался. Её центром всегда были эмоции, но авторам хотелось показать весь сюжет и сразу.

Как же шумно они мыслят.

Реалии рынка тоже сделали своё дело. Художники – это дорого. Готовая книга на полке и без них стоила пиздецки дорого. Культура оформления разбилась о скалы снижения себестоимости.

Почему она не ушла на фриланс?

С иглы хорошего оклада, страховки, бонусов и удалёнки на всё лето слезать было страшно.

Иногда она рисовала за символические деньги арты для пиратов, которые переводили её любимые новеллы, и тихо читала комментарии под ними. В такие моменты она действительно наслаждалась.

Ей нравилась её спокойная жизнь.

Оба берегли своё время, которое чаще всего было нечем заполнить. Но менее ценным от этого оно не становилось.

Фен после работы почти всегда возвращался домой. Просто не сразу.

Сначала можно было зайти в бар – не напиться, а посидеть. Пара кружек, разговоры ни о чём, одни и те же лица. Иногда – коллеги, иногда школьные друзья. Потом можно было заехать к дяде, посидеть на кухне, дослушать одну и ту же историю до конца, потому что торопиться всё равно некуда.

Иногда – кино в одиночку. Иногда просто идти пешком, медленно, без цели, позволяя времени тянуться, как жвачке.

Дом ждал. Он всегда ждал.

Фен знал, что вернётся. Просто оттягивал момент, в котором снова нужно будет войти в эту жизнь.

Так он и жил – не уходя и не оставаясь.

Ида тоже не спешила домой. Она могла заскочить в бар, но всегда одна. Получала долю фальшивых улыбок от людей, которые её не помнили, да и она лишь смутно помнила, как ещё год назад засовывала язык в рот собеседника. Вроде за одной барной, вроде лицо знакомое. Значит, надо выказать внимание.

До переезда к ублюдку она жила с матерью. У них были хорошие отношения, если между ними проложить километров двадцать. Фанерная стена сталинки их накал характеров не выдерживала.

С «ублюдком» всё вышло сумбурно. Быстрая ночь. Быстрое обольщение.

Переезд они не обсуждали. Просто в какой-то момент он лежал на ней после секса – своими девяноста килограммами на её уставшей спине, тяжёлый, тёплый, запыхавшийся. И выдохнул ей в ухо:

– Может, пополам аренду? Ты же почти каждый день тут.

– Ок, – сказала Ида и подумала: «Довольно дешёвый побег от матери».

В Иде было много нереализованных чувств и любви, и она накрывала этим партнёра, как одеялом с головой, поэтому выбирала холодных мужчин. Ей казалось, что именно эта ниша не занята, но грань между «наполнить дом любовью» и «превратиться в этом доме в рабыню» была очень тонкой.

– Ты такая хорошая, сделай мне массаж, пока я на катке с тиммейтами.

– Ты такая хорошая, сваргань закусок в три ночи, мы потусим с пацанами.

– Ты такая хорошая, пусть животик пройдёт, а ты просто отсоси.

И она всё это делала. Чтобы не быть одной. Чтобы было куда вливать всё накопленное, а оставалось ещё так много. Главное – она верила, что её любят. Вот такой любовью. Вот такой у этого человека язык любви.

Пока он не рассмеялся.

Так легко и звонко. Так искренне.

Они сидели голые на диване, устроив перекур. Ида о чём-то лепетала, и где-то в глубине фраз прозвучало слово «пара».

Просто слово, которое она никак не выделяла, но мысль прервал залиvistый смех.

– Малыш, отношения – это для детей. Нам же так хорошо. Как там это называют? Друзья с привилегиями? Ну а мы арендаторы с привилегиями. И хату пополам, и секс у нас крутой.

Целый год заблуждений. А ведь всего один разговор в начале мог всё расставить на свои места. Но вместо этого она привычно нарисовала идеальную иллюстрацию и жила в ней.

Ида ничего не ответила. Она улыбнулась, медленно осмотрела квартиру и за пару минут решила, что здесь – мусор, а что – её.

Он уснул быстро. Храпел, как всегда.

Она собиралась тихо. Не включая свет. В простыню – вещи, чтобы не шуметь пакетами, в рюкзак – технику. Дверь закрыла не до конца, чтобы не щёлкать замком.

В три часа ночи в квартире остались грязное старое бельё, ключи на тумбочке и записка на подушке:

«Иди нахуй, ублюдок».

Глава 5. Незнакомцы

Клуб был уже полон – ещё немного, и станет тесно.

Ида села за барную стойку. Идеальное место, чтобы пригласить себя в чужую жизнь.

Она заказала стопку текилы и кусок торта. Осушив стопку, сразу попросила бутылку и стакан томатного сока.

Пила медленно, но без пауз. Бармен изредка подсовывал ей ещё одну стопку и, чокаясь с ней её же текилой, уходил к другим гостям. Иногда возвращался – с чередой общих, никому не нужных вопросов про жизнь, вселенную и

Чем ближе был конец его смены, тем больше становилось комплиментов и тем чаще они чокались, опустошая её бутылку.

В перерывах его внимания Ида ловила обрывки разговоров то слева, то справа. Один раз она поправила ошибку – ребята перепутали актёров и долго спорили. Спор они наигранно свернули, поблагодарив её за участие. Если минуту назад молодой человек сидел в полоборота к собеседнику, то теперь Ида видела только его спину.

Позже с ней уже спорили – что текилу с томатным соком не пьют. Ида с энтузиазмом включилась, вывалив весь ворох неточных знаний. Последним аргументом перед тем, как собеседник справа ушёл покурить, было:

– Ну я же пью. Значит, кто-то да пьёт.

Он вернулся с перекура на другой конец стойки. Девушке, подсевшей на его место, Ида сделала комплимент украшениям, неосознанно потянувшись к ним. Она любила металлические украшения – сложные, тяжёлые. Но что-то пошло не так.

– У меня есть парень, извращенка.

Ида поперхнулась и рассмеялась – так, как не смеялась давно. Девушка от неловкости пересела, показывая пальцем на Иду своему парню, подошедшему через мгновение.

Ида ждала бармена, чтобы поделиться наблюдениями. Даже пожалела, что взяла сразу бутылку и выпила две стопки подряд – хотелось побыстрее её добить.

Она любила состояние опьянения. Нет, не дурнела, как многие. Тело наливалось тяжестью, будто привязывая её к месту и моменту. Шум в голове стихал, и становилось легче замечать мелочи. Например, улыбки бармена – одинаково разложенные на всех. И особенно на тех, кто ему наливал.

Его смена заканчивалась. Как и бутылка Иды.

Она держала полную стопку, переводя взгляд с бутылки, в которой не хватало и на полстопки, на кусок торта с погасшей свечой. Воск залил часть крема. Да и пофиг. Есть его никто не собирался.

Ида осушила стопку, воткнула перевёрнутую в торт, откинулась на спинку стула и наконец позволила музыке войти в себя.

Когда её начало клонить в сон, она развернулась на стуле,

облокотилась на спинку и стала смотреть на танцпол.

Люди двигались примерно одинаково. В одном ритме. Красные, разогретые лица, одинаковая эйфория в глазах. Просто раскрашенная прожекторами пустота – вот что она видела, когда взгляд перестал фокусироваться.

Но ритм подходил. Он входил точно.

Она закрыла глаза и позволила телу делать то, что оно хотело. Иногда чувствовала чужие руки, но в этих прикосновениях не было ничего, ради чего стоило возвращаться в реальность. Одни и те же они были или разные – не имело значения. Дальше тела им всё равно не удавалось зайти.

Сквозь закрытые веки она заметила смену света – синий стал фиолетово-розовым. Любопытство художника заставило её открыть глаза: может ли цвет изменить ощущение пространства. Может, и мог. Но оценить это сейчас она не смогла.

Чьи-то руки держали её за бёдра, помогая ловить ритм. Чья-то борода колола шею. А глаза через несколько пар переплетённых тел напротив изучали каждое её движение.

Ида улыбнулась. Подбородок чуть поднялся. Взгляд бросал вызов.

Она переплела пальцы с пальцами незнакомца позади и сама повела их по своему телу, будто предлагая игру: «Я заставлю тебя отвести взгляд».

Фен, обнимая свою девушку за талию, позволяя ей обвиняться вокруг него, следил глазами за каждым движением

рук девушки напротив.

«*Это уже шестой*, – отметил он. – *Она это вообще понимает?*»

Он считал. Ему было интересно, где ей будет достаточно.

В отличие от неё ему было доступно то, чего она не видела, – лица мужчин у неё за спиной. От самодовольства лёгкой добычи до полного разрушения эго, когда становилось ясно: пилон вызвал бы у неё больше эмоций, чем они.

И всё же он – не прикасаясь, не говоря ни слова – стал для неё центром фокуса.

Он понял это ещё тогда, в магазине. Пустота и взгляд. Ничего больше. Но и этого оказалось достаточно.

Ида отвлеклась на крики справа. Атмосфера рассыпалась. Она отпустила чужие руки и направилась к туалету.

Рука легла ей на плечо, аккуратно разворачивая.

– Ты куда? – не понял мужчина с длинной бородой.

Ида впервые посмотрела на него внимательно и без издёвки спросила:

– А ты кто?

Замешательство позволило ей уйти без объяснений.

Очереди не было. Она выбрала крайнюю кабинку. Когда уже хотела, не оборачиваясь, закрыть дверь, между ней и косяком появилась нога.

Ида резко повернулась.

Это был тот самый мужчина. Тот, кто обнимал другую, тот, кто был в ритме с другой, но не отводил от неё взгляд.

Фен не двигался. Он и сам не понял, как оказался здесь. Его девушка – на танцполе. А он приглашает себя в кабинку к другой.

Увидев её уход, он просто пошёл следом. Хотел поздороваться. Может, сказать что-то – предупредить, что если не притормозить, будет беда. Но, оказавшись рядом, рефлекторно выставил ногу.

Ида схватила его за ремень, резко втянула внутрь и закрыла дверь.

Она уткнулась носом ему в шею. Одна рука мягко изучала тело, другая расстёгивала ремень и брюки. Освободив будущую дорогу, она нырнула под футболку, ласкала его соски, целовала его торс, задерживаясь, опускаясь ниже, обладая частым, горячим дыханием.

Фен замер. Всё происходящее противоречило само себе: грубое вторжение и почти нежные движения.

«Остановись. Пожалуйста. Остановись», – кричал он внутри.

Он снова увидел её лицо, когда она опустилась на колени на грязный пол. Она всем лицом ласкала его через ещё не стянутую одежду. Резко дёрнув брюки с трусами, она мгновенно проглотила то, что уже было готово для неё. Только для неё.

«Марина, услышь! Открой дверь! Открой эту блядскую дверь!»

Мысли существовали отдельно от тела. Он жаждал по-

следствий.

Он тянулся к её голове, но не позволил себе вмешаться – почему-то это показалось ему грубым и ненужным.

За пару минут уверенными движениями она довела мужчину до разрядки.

«Умничка», – мелькнуло в голове, и он тут же смутился.
– «Что за хуйня?»

Тишина.

Она спокойно поднялась. Он увидел, как её рука вынырнула из-под платья.

«Чего?» – Фен не понимал увиденного.

Показав результат усилий на языке, девушка сделала глоток и, облизав пальцы, сказала:

– С днём рождения меня.

Его зрачки расширились. Мыслей в голове Фена было слишком много, чтобы их можно было соединить в какую-то единую конструкцию.

Она поправила платье, отряхнула колени, взъерошила волосы и потянулась к замку.

– Я могу сделать тебе хорошо, – вырвалось у него в панике.

– Мне уже хорошо.

Она вышла, оставив его в тишине кабинки.

Через пару минут он вернулся в зал. Его девушка всё так же танцевала. А той, что уже больше месяца не покидала его горизонт, нигде не было.

«Она носит мою худи, каждый день ходит мимо моих окон, сосёт мой член, но мы всё ещё незнакомцы», – ворчал он, глядя на пустой стул и бутылку текилы с парой глотков на дне.

Проходя мимо своей девушки, он подошёл к бару, достал стопку из торта, налил остатки текилы и, облизав край, выпил.

– Блять – вырвалось у него. – Интересно, было так же сладко?

– Ребята в караоке зовут. Поедем? – Марина обвила его сзади.

«Я хочу домой. Я хочу домой. Я хочу домой. Пошли всех нахер.»

– Хорошо, – сказал он. – Я закрою стол.

Глава 6. Огни

День Фена изменился.

Кофе на балконе по утрам и вечерам стал привычкой. Иногда он видел свет в окнах, пару раз замечал её возвращение из магазина, но шансов поздороваться не выпадало.

Он не следил. Не запоминал расписание. Во всяком случае, так он себе это объяснял.

Ему было достаточно просто увидеть свет – убедиться, что она где-то ещё рядом.

Увидеть худенькие ножки из-под огромной худи, несущие пакеты по вечерам, – и этого хватало, чтобы подтвердить: ему не приснилось.

Это странно успокаивало. Потому что уже давно перед сном он ловил себя на одной и той же мысли:

А не опустеет ли дом завтра?

А если да – что я вообще сделал, чтобы это сохранить?

И сделал ли хоть что-нибудь.

Работы было много. Наваждение постепенно уходило на второй план. Завтра они с Мариной улетают в отпуск.

Не опустеет ли тот дом к моему возвращению?

Раннее утро. В коридоре спортивная сумка Фена и огромный чемодан Марины.

– Из четырнадцати дней десять ты пролежишь на пляже. На кой чёрт тебе столько одежды? – он убеждал себя, что

раздражён только потому, что поспал три часа.

– Мы же гулять будем. У нас маршрут.

– У нас только два дня в Тбилиси, а потом, как ты хотела, пляж. Куда ты там собралась гулять десять дней?

– Ну не стирать же там.

Фен замолчал. Вся суть разговора рассыпалась.

Отпуск есть отпуск. Надо ехать. Надо отдыхать. Надо наслаждаться.

Первые два дня он действительно словил кайф. В Тбилиси было где ходить и куда смотреть. Ночной город с высоты старого города его зацепил.

Они сидели с Мариной, обнявшись, пили красное вино и болтали о невозможном.

Вот бы переехать сюда – Марина точила топор.

Вот бы тут свадьбу сыграть – Марина занесла топор.

Вот бы встретить старость там, где так красиво – Марина отрезала все другие варианты будущего.

Фен смиренно мотал головой. Соглашался со всем. Такова была его роль – быть рядом. Он же её выбрал. Сам.

Через два дня они уже были в Батуми. И такой отпуск Марине подходил куда больше. Она расслаблялась, выпитывая солнце и морской воздух. Каждая минута этого ничегонеделанья заряжала её батарейку на год вперёд.

Фен сидел в открытом баре неподалёку и с тоской смотрел на море. Ему было до одури скучно.

– Море – последнее, что исчезнет с этой планеты, а я доб-

ровольно таращусь на него седьмой день. Не первый и не последний мой хуёвый выбор, – жаловался он бармену Торнике.

За несколько дней они сдружились. Торнике подсказывал, где взять вино повкуснее и куда сходить поесть.

Фен предложил Марине разделиться на пару дней: оставить её на море, а самому рвануть в горы, в Местию. Но он не мог противостоять её вялой обиде на то, что он её бросает.

Он предложил Каппадокию. Шары.

Это тоже разбилось о спокойное, непробиваемое:

– Мне лень.

За десять дней Торнике стал ему другом.

А Марина – на десять шагов дальше.

Когда же эти шаги уже закончатся?

Домой они прилетели поздно ночью. Подъезжая на такси, Фен машинально посмотрел в знакомый двор – и выдохнул.

Огни горели.

Она тут.

Следующие два дня ушли на уборку, стирку и готовку. Огни больше не зажигались.

Потом – работа.

И каждый вечер его с кофе и сигаретой встречал тёмный горизонт и потерянный в темноте дом.

Осень.

Зима.

Весна.

Ни одной живой души.

Глава 7. 42

Хозяин дома, как и обещал, оставил ключи в углублении сверху ворот.

Иде нравился этот дом. Уже второе лето подряд она снимала его у милого старичка. Платила сразу за три месяца, оставляла дом в порядке и даже местами – починенным и облагороженным. Взамен – ни одного звонка, ни одного вопроса. Ида всё больше ценила людей, которые не врываются в её жизнь по всякой ерунде.

Весь её багаж – две спортивные сумки.

В одной – оборудование для работы.

Во второй – немногочисленная одежда.

Ну и переноска с котом. Который был скорее не багажом, а пассажиром бизнес-класса.

Проходя по двору и поднимаясь по старым скрипучим деревянным половицам, она пыталась вспомнить прошлое лето. Но вплоть до зимы воспоминания были размыты. Столкновение с собственными иллюзиями её неплохо поломало. Она затуманивала разум всем, до чего могла дотянуться. И вышла из этого чем-то новым, что ещё не распробовала до конца.

Единственный трофей того лета – чёрная худи. За год она стала постоянным элементом гардероба. Да, была сильно велика, но сидела на ней мило и работала лучше обручального

кольца на пальце. Мало кто захотел бы выставить свою кандидатуру против владельца таких размеров.

Как именно худи у неё оказалась, она не помнила.

И не переживала об этом.

Дом был большим, деревянным. Но Ида пользовалась только кухней на первом этаже и комнатой с выходом на террасу на втором. Ей нравился вид. Если не поворачиваться лицом к жилому комплексу за спиной, казалось, что дом прячется в глубине леса.

Редкие соседние дома были заброшены и сильно заросшие. По следам машин было видно, что хозяева иногда приезжают – скорее как на склад. Её дом не был исключением: три из восьми комнат использовались для хранения старого оборудования из звукозаписывающей студии. То ли хозяин не мог продать, то ли просто не хотел.

Построенный шесть лет назад жилой комплекс в этом посёлке обесценил эти дома и украл их тихую магию. Местным оставалось либо смириться, либо уехать.

Иде тут нравилось. Частный дом и относительно полная инфраструктура. А всё, чего не хватало – рынок, мясная лавка, городские блага, – было в пяти минутах езды на такси за символическую плату.

Этим летом она хотела выдохнуть и понять, что делать дальше.

Каждый год ей казалось, что вот – она почти накопила на своё жильё. Но ставки и инфляция обесценивали накопле-

ния со скоростью горящей стоцолларовой купюры, от которой поджигают сигару.

Ипотечку Ида боялась ещё больше. Ни одна прибавка ни разу не перекрыла инфляцию. Если считать честно, сейчас она работала на семь процентов дешевле, чем в первый год. Брать больше работы она не хотела. Все её потребности, кроме недвижимости, были закрыты.

Не о чем мечтать.

Нечего хотеть.

Так ради чего жопу рвать?

Первые недели она почти не выходила из дома. Упал большой проект, а к нему и редактор, которому не нравилось всё.

Продукты, заказанные магией денег, просто появлялись на крыльце. Обычно это были несколько бутылок воды, овощи, йогурты, какие-то полуфабрикаты и тонна энергетиков.

Прошлым летом она выходила из дома, как только заканчивалась бутылка рома. Но с весны почти не пила. Стала больше пить газированной дряни и больше курить, зато теперь могла хотя бы сказать, что делала вчера.

Тоска по прошлому состоянию не отпускала. Там было много вдохновения. Никогда она не рисовала так, как тогда.

Но так больше продолжаться не могло.

Её испугала собственная глупая привычка, появившаяся ещё в шестнадцать. Она вела список своих партнёров. Не из чувства превосходства и не ради цели. Просто чтобы помнить. Чтобы был якорь, по которому можно вернуться в тот

или иной период жизни.

До прошлого лета отметка целый год стояла на числе девятнадцать.

В конце зимы, сидя на скучном брифинге, она то рисовала линии в старом блокноте, то листала его, останавливаясь на любимых наклейках, то рассматривала вложенные фотографии с друзьями. И, добравшись почти до конца, увидела цифру:

«42»

Описания отличались от прежних.

Первые девятнадцать – имя, дата, послевкусие. Иногда короткое: **«Того не стоило»**.

Следующие двадцать три были набором обрывков. Кривой почерк. Беспощадное количество ошибок.

«Отель. Не снял носки»

«Приложение 1. Забыл кепку. Воняет ментолом»

«Приложение 2. Машина»

«Приложение 3. Красавчик. Машина. Карьера»

«Парк. Идиот. Лизун»

«Бар. Туалет. Сладко»

«Метро. Матрас с пружинами»

И всё в таком же духе.

Ни одного она не могла вспомнить чётко. Только ощущения, которые приводили её к этим моментам. Но за самих людей зацепиться было невозможно.

– Двадцать три за девять месяцев Пиздец, – подумала она

впервые не на ощущениях, а на сухой аналитике. – Ублюдок, – прошипела она себе под нос.

В ту же секунду её колено резко ударило колено коллеги справа. Она оторвалась от блокнота и поняла, что, возможно, была громче, чем думала.

– Извините, я немного отвлеклась, – сказала Ида и, не лукавя, отодвинула блокнот. Потом резко включилась в обсуждение.

После возвращения в реальность она не спеша сдала анализы – от греха подальше. Заодно прошла и общую диспансеризацию.

Коли дан ДМС – используем.

В начале весны она написала хозяину, что готова снова снять дом на лето.

Попробую как все. Тихо и спокойно.

Глава 8. Зажигалка

– Какой садист придумал йогу? – пыхла Ида в позе, которую ни один нормальный человек в тридцать принять не способен.

– Не расслабляемся. Держим баланс, – доносилось с другого конца зала тошнотворно-просветлённым тоном.

Ида потеряла равновесие и рухнула на спину. И впервые за почти час почувствовала себя хорошо.

– Тупейшая идея. Дёрнул же чёрт, – пробормотала она в потолок.

– Я на первом занятии тоже почти всё время просидела, – пролепетала поддерживающе девушка, всё ещё стоявшая в позе и смотревшая на Иду сверху вниз.

– И ты всё равно продолжила? Нравится страдать? – искренне не понимала Ида.

– Тут скучно. Это лучше, чем торчать одной дома весь день. Тут мало развлечений, а в город постоянно не наездишься, – она улыбалась и наконец вышла из позы, села рядом. Йога её явно интересовала меньше, чем разговор. – Я Марина. Живу в этом доме. Удобно, когда всё есть, просто спустившись на два этажа.

– И не поспоришь, – согласилась Ида и, не вставая, закинула ногу на ногу, окончательно забив на занятие. – Я дом напротив снимаю. Решила попробовать заняться чем-то по-

лезным для тела. Но это выше моих сил. Велик мне ближе.

– Мой парень такой же. Один раз затащила его сюда – через пятнадцать минут он обложил всех отборным матом и пошёл пить пиво в соседнюю дверь. Но если есть велик – тебе повезло. Тут хорошие виды. Он мне все уши прожужжал. Кажется, у него в телефоне фоток деревьев больше, чем наших.

– Деревья не болтают, – прошептала себе под нос Ида, удивившись собственной стервозности. – А сама почему не катаешься?

– Мне не нравится. Скучно и грязно. Комфорт мне ближе.

– Каждому своё. Мне – еда, – усмехнулась Ида.

Обе засмеялись. Тренер шикнул на них.

– Лучше бы сейчас сидела на берегу с шашлыком.

– Это точно. Мы каждые выходные к реке ходим. Мой чудесно готовит. Можешь взять своего и присоединиться завтра.

– Нет моего, – хмыкнула Ида. – Я в завязке. Но с удовольствием приду, если приглашение в силе.

– Конечно в силе. Буду рада. Завтра в три, у большого дуба, он там один. Возьми себе что-нибудь попить, остальное с нас.

– Спасибо. Это мило.

– Я всё же продолжу занятие, – Марина снова встала в позу.

– А я сваливаю, – прошептала Ида и, выходя, только гу-

бами добавила: «До завтра».

На улице Ида первым делом достала сигарету.

– Чёртова зажигалка, – она чиркнула раз пятнадцать. Без толку.

Она схватила за плечо проходящего мимо мужчину, заметив у него зажжённую сигарету.

– Одолжите зажигалку, пожалуйста.

Он замер. В одной руке – наушник, в другой – сигарета. Смотрел на неё ошарашенно.

Ситуация становилась неловкой.

– Извините, что потревожила, – пробормотала Ида и уже собиралась уйти.

– Нет, это вы я зажигалка да сейчас – он суетливо полез в карманы, забыв, что зажигалка зажата в кулаке вместе с сигаретой.

Иде вдруг захотелось пошалить.

– Может, тогда одолжите руку? – она наклонилась, взяла сигарету в рот и подвела его сжатый кулак к губам, прикуривая на вдохе. Потом улыбнулась и постучала пальцем по его кулаку. – А вот и зажигалка.

Она развернулась и пошла. Через пару шагов обернулась – мужчина всё ещё смотрел ей вслед. Она помахала рукой с сигаретой и, поблагодарив, продолжила путь домой.

Фен так и остался стоять у входа в спортклуб.

Может, привиделось?

Дверь распахнулась, из зала вывалилась толпа девушек.

– Любимый! Меня ждёшь? – Марина.

– Конечно. За сигаретами выходил. Решил подождать.

– Я познакомилась с соседкой и пригласила её завтра на шашлыки. Ты не против?

– Ага. Без разницы. Хорошо, что ты с кем-то общаешься.

Он всё ещё смотрел на дом напротив.

Пара двинулась домой, обсуждая планы на вечер, ужин и выбор кино. Фен на удивление Марины соглашался с каждой идеей не свойственным ему «Ага, хорошо, как скажешь».

– Ты вернулась и забыла – пробормотал Фен, стоя на балконе и махая коту на террасе.

Он вернулся в гостиную, сел на диван, закинул ноги Марины себе на колени, начал аккуратно массировать.

– Ты помнишь наш первый поцелуй?

– Конечно. Что за вопрос?

– Да так Пойдём готовить.

Утром Ида вышла на террасу. Было неожиданно жарко. Она закурила и стала разглядывать окна дома напротив. Люди казались маленькими. Тени скользили по занавескам.

На третьем этаже курил мужчина. Большой, слишком большой на фоне узкой створки. От нечего делать она махнула рукой, даже не зная, видит ли он её. Наверяд ли. Он скорее, как и все мы, где-то в своих мыслях.

Мужчина помахал в ответ.

Или мне показалось.

Она вернулась в дом, переоделась, выкатила велосипед и

направилась на городской рынок. Марина хоть и сказала ничего не приносить, но с пустыми руками приходить неловко. Она решила, что свежие овощи лишними не будут.

На рынке она безуспешно потренировалась в искусстве торгов. Купила огурцы, помидоры, зелень. Там же она купила и пару литров свежавыжатого гранатового сока. Она чётко решила завязывать с алкашкой.

Повесив покупки на ручку вела, она поехала домой длинной дорогой. Неспешно прокатываясь между частными домами. Прогулка зарядила энергией.

Вернувшись домой, она помыла всё купленное и приготовилась к выходу. До реки было минут семь неспешной ходьбы. Дуб, про который говорила Марина, Ида знала. Она любила там передохнуть после покатушек. Издалека она уже видела, что пара на месте и активно готовят. А следом за видом до Иды докатился и запах мяса. В животе заурчало. Она погладила себя по животу, приговаривая: «Потерпи. Скоро будет вкусно». Пара ещё не заметила Иды. А Ида, снизив шаг, наблюдала, как Марина лежала на пледе и махала ногами в воздухе – по-детски. Мужчина стоял у мангала, закрывая его своей спиной.

– Я не опоздала? – поинтересовалась Ида, когда Марина наконец её заметила и приветливо помахала, приглашая присоединиться.

– Ты вовремя. Скоро будет готово. Познакомься, это мой парень, Фен, – хлопая по спине, призвала его встать и поздо-

роваться.

Фен на автомате протянул руку и снова застыл.

Ну что за дурная привычка?

Ида пожала руку и, не успев себя остановить, выдала наитупейшую шутку:

– Ваши родители были парикмахерами? – и сама же засмеялась.

«Она это серьёзно? Кто так знакомится?»

– Нет мама долго жила в Осло и полюбила скандинавскую мифологию. Моё полное имя – Фенрир.

– Волк, убивший отца? – бросила она, проскочив мимо парня.

Ида присела у мангала, разглядывая, как подрумяниваются кусочки мяса.

– Мама тоже так думала, но нет, он не был сыном Одина,

– Фен присел напротив и перевернул шампуры.

– Твоя мама хотела, чтобы ты убил отца?

Иду редко волновали чужие жизни. Для неё это просто праздный интерес. Она не видела границ. Фен же был поражён такой лёгкостью. Она злила его. Как она смеет так легко говорить о том, что преследует его всю жизнь? Он смотрел в её глаза и только чудом с его рта не сорвалась череда проклятий.

«Ты блять так шутишь? Ты сосала мой член. Подружились с моей девушкой. Пришла есть мясо, которое я готовлю. За секунду вскрываешь историю моей семьи! Но смот-

ришь голодными глазами на мясо, а не на меня? Какого хуя?»

Вот что хотел сказать.

Больше всего он сейчас желал схватить её за плечи и трясти, пока она не развалится на части.

Но всё, что он ответил:

– Возможно.

– Я принесла овощи и гранатовый сок, – Ида отвлеклась от магии жарки мяса и выложила всё на общий импровизированный стол – плед, – и ещё наткнулась на свежий гранатовый сок. Должно быть, вкусно. Хорошо пойдёт к мясу.

– У меня есть вино, – Марина кивнула в сторону бутылки.

– Я пас, – моментально отреагировала Ида. – Я стараюсь сократить алкоголь. Я прошлым летом натворила дел, и в какой-то момент поняла, что больше так нельзя. Мужчин и алкоголь я заменила на велик и энергетики.

– Ха – вырвалось у Фена. Но, увидев непонимание в глазах Марины, он сделал вид, что отгоняет золу от лица.

Мясо было готово. Компания разложилась на пледе и болтала обо всём и ни о чём. Каждый рассказал немного о работе, Ида – о своей жизни в городе. Марина открыто завидовала и радовалась за девушку, не забыв упомянуть, как ей скучно жить в пригороде. Но она переехала сюда к Фену, и это небольшая плата за любовь. Много рассказывала про сериалы, которые смотрела. Фен пил пиво и почти не включался в беседу, пока речь не зашла про путешествия. Оказалось, они с Идой были в одних и тех же местах с разницей в пару

лет. Оба были в Грузии, Израиле, Ирландии, много поездили по городам России. Они живо вспоминали какие-то мелочи про каждый город и наслаждались беседой. Марина, немного заскучав от неинтересной темы, довольно быстро осушила бутылку вина. Фенпил уже пятую банку пива. Ида пила гранатовый сок и не прекращала хрумкать огурцами, мясо было быстро съедено. Фен встал и достал пакет из реки, где охлаждалось пиво.

«Говоришь, бросила» – пронеслась мысль у него.

Он достал из пакета две банки, открыл одну и протянул Иде. Ида машинально приняла банку, но, поняв содержимое, оторопела. Полсекунды подумав и повертев в руках влажную банку, Ида осушила половину за раз и с чувством редкого наслаждения выдала в горизонт:

– Как же, блядь, хорошо.

Она улыбнулась, посмотрела на Фена и искренне поблагодарила:

– Я скучала по этому, спасибо!

«Что с тобой не так? Я провоцирую, а ты благодаришь меня?» – думал Фен, глядя на неё почти зло.

Он сделал несколько глотков, которые застряли у него внутри, и невольно довольно громко, смачно рыгнул. Парень заалел. Он смущённо начал тараторить извинения и заёрзал в поисках салфеток.

– Слабак! – выдала Ида. Она страшно не любила неловкости и чётко видела смущение парня. – Смотри, как надо.

Она сделала три больших глотка из банки с пивом и рыгнула ещё громче и сильнее. И, рассмеявшись, добавила:

– Учись, пока жива, пацан!

Фен залился смехом.

– Ты просто ходячий пиздец, – сказал он, прикладывая прохладную банку ко лбу.

Ида так же заливалась смехом. Она протянула бутылку Марине:

– Попробуешь?

– Да ну вас! Два сапога – пара, люди же вокруг!

От этого они засмеялись ещё сильнее.

Ида ещё немного поуживала Марину, но тема быстро забылась. Они продолжили болтать о разном.

Стемнело. Ида сидела в позе лотоса, откинув руки назад, и смотрела на реку. Фен лежал, закинув руки под голову, смотря на начинающие проявляться звёзды. Марина лежала, положив голову ему на живот, и листала ленту соцсетей. Ида, посмотрев на пару, тоскливо разрушила тишину:

– Вот по чему я действительно скучаю – это по человеческой подушке. Ты счастливая, – заключила Ида и немного взъерошила волосы девушки. – Пора собираться. Давайте соберём мусор.

Ида нарушила магию момента. Ей стало в нём тесно. Девушка рьяно начала сборы, провоцируя на то же самое пару.

По дороге домой она старалась идти на шаг впереди. Ей почему-то не хотелось видеть, как Марина повисла на руке

Фена. Она не понимала природу этих чувств, но понимала, что не имеет на них права. Они расстались у дома Иды. Ида только из зеркальной вежливости пригласила пару на ужин к себе домой на следующих выходных. Марина резво ожи-вилась и согласилась. Фен просто одобрительно мотнул го-ловой и закончил вечер фразой:

– Пойдёмте отдохнуть.

Зайдя в дом, Ида почувствовала себя опустошённой. Ока-завшись в пустоте и темноте дома, её сдавил ком непонятных ей эмоций. Почти через силу она поднялась на второй этаж и вышла на террасу. Огоньки включились от движения. Она рухнула, едва переступив порог, и заплакала. Она калачиком лежала на холодном деревянном полу и надрывно плакала.

Где-то на горизонте она увидела огонёк сигареты. Она смотрела, как этот огонёк что-то вырисовывал в пустоте. Слезы всё ещё лились, но уже без истерики. Огонёк погас. Ида через какое-то время успокоилась и вернулась в комна-ту, где забылась сном.

Глава 9. Вишня

Ида сидела на полу кухни и смотрела на запекающееся мясо. Она была вымотана. Неделя выдалась тяжёлой. В ней накапливался гнев на всё подряд, и никак не получалось расслабиться, заземлиться. Она сидела на полу, не в силах больше пошевелиться. Скоро должна была прийти та парочка, и это бесило её ещё больше. Это был просто знак вежливости. Она просто лягнула. Она не хотела этого шума у себя дома. Она бы придумала какую-то отмазку, если бы они обменялись тогда телефонами. Но никому это даже в голову не пришло. А она не настолько мразь, чтобы развернуть их с порога.

Она сделала пару закусок, купила вина для Марины и пива для Фена. Себе она подготовила безалкогольный мохито. Она накрыла стол на веранде. Это лучшее место в доме. Путь на неё, конечно, через спальню, но вряд ли она вызовет у них интерес.

Ещё ничего не началось, а она уже устала.

Скрипнула калитка, а через мгновение она услышала шаги по лестнице и стук в дверь.

«Блядь».

Она не спешила вставать с пола. Взъерошив нервно волосы, чтобы прийти в чувство, она открыла дверь с самой притворной улыбкой, какую смогла из себя выдавить.

На пороге стоял только Фен. Ида немного удивилась и непроизвольно заглянула ему за спину в поисках Марины.

– Марину вызвали на работу. Мы не знали твоего номера, и я решил – Фен не знал, как закончить фразу. Он был счастлив, что всё так сложилось, но хотел остаться в рамках вежливости. – Ты старалась, грубо было бы не прийти.

Ида всё ещё молчала. Она замерла.

– Я принёс тебе компот. Я сам его крутил, из собственной вишни. Он вкусный. Правда, – неловко продолжал мужчина, так и не дождавшись приглашения войти.

Ида протянула руки к банке с компотом и нежно её обняла. Фен вспомнил, как ровно год назад она так же обнимала бутылку рома, и улыбнулся.

– Я заслужил ужин? – пытался он растормошить застрявшую в своих мыслях Иду.

Девушка замотала головой, приглашая его наконец в дом.

– Извини, я зависаю. Неделя проехала по мне катком. Не знаю, как ещё на ногах стою. Проходи. Я накрыла на террасе. Пиво в холодильнике, возьми, пожалуйста, сам. А я пока достану мясо. Почти всё готово, надо просто разложить, – Ида тараторила и нервно заходила по кухне.

– Замри! – не выдержав этой картины, скомандовал Фен. Девушка подчинилась.

– Иди наверх и сядь. Я сам всё принесу. Ты сделала достаточно. – Он легонько подтолкнул её плечом. – Эй, посмотри на меня.

Ида подняла глаза, и её взгляд забегал между двумя зрачками Фена.

Фен засмеялся.

«И правда укачивает».

– Иди наверх. Я приду следом.

Ида отдала Фену прихватки и поднялась на террасу.

Обессиленная, она рухнула в кресло. Стол был накрыт на троих и довольно плотно заставлен закусками. Фен не заставил себя долго ждать. Через пару минут он поднялся на второй этаж. Ида услышала, как он ненадолго остановился в её спальне и через мгновение уже вышел на террасу с двумя тарелками, на которых было запечённое мясо с картошкой и перцами.

В спальне его задержало то, что он не ожидал увидеть: его худи была надета на пару подушек и лежала на её кровати. От этой картины ему стало грустно.

В неловком молчании Ида отправила первый кусок мяса и, довольная своей работой, улыбнулась:

– А не дурно вышло.

Фен попробовал вслед за ней и к своему удивлению признал, что было действительно вкусно.

– Ты не взял себе пиво. Принести?

– Сиди. Я попью компот.

– Марина не против, что ты один пришёл? Я ни на что не намекаю, просто – Ида устало выдохнула и откинулась в кресле.

– Это была её идея. Да и я не мог не прийти, – ему было почти жалко девушку. Она выглядела действительно уставшей.

– Тебе нравится этот дом?

– Да, тут тихо. И старик-владелец отличный малый. Я легко могу представить мою жизнь вот так, – она обвела стол и дом рукой. – Куда я дела зажигалку – Ида начала рыскать по столу.

Фен протянул ей огонь. Ида легонько направила кулак с зажигалкой поближе. От яркого огня её зрачки расширились.

– Точно! Я всё думала, почему мне твоё лицо показалось знакомым. Зажигалка!

«Ага, то есть чтобы вспомнить остальное, ты предлагаешь мне штаны снять?»

– Да, зажигалка. Это был я. А хочешь, скажу ещё больше? На секунду он был уверен, что выложит всё прямо сейчас.

– А что есть больше? – Ида немного напряглась.

Фен встал, отодвинул третий, не пригодившийся стул в сторону и присел за спиной Иды, вытянув руку на уровне её глаз. Второй рукой с другой стороны чуть сдвинул её лицо в верном направлении.

– Проследи за пальцем.

– И что я увижу?

– Мой балкон.

Ида уставилась на балкон. Все огоньки тлеющей сигареты

разом всплыли в памяти. Особенно тот последний, который был с ней в ту ночь на полу.

– Ты – Ида хотела спросить, видел ли он это. Но не была готова узнать ответ. Даже если да, ей не нужна была его жалость.

– Ты мне как-то махала. Это было мило, – Фен вернулся в своё кресло.

– Можно можно мы помолчим? Немного – Ида чувствовала себя раздавленной осознанием того, что свидетель её падения сидит так спокойно напротив. – Как же хочется выпить, – тихо прошептала она сама себе, закрывая глаза рукой.

Она даже не заметила, как Фен вышел с террасы.

Он вернулся и приложил к щеке Иды холодный бокал с пивом.

– Если хочется – выпей. Один бокал не сделает тебя алкоголиком.

Ида взяла бокал с тихим «спасибо». Фен снова вышел с террасы.

Иду почему-то не беспокоило, как по-свойски он действует в её доме.

Он вернулся со своей худи и протянул её ей с одним словом:

– Холодает.

Ида немного залилась краской, понимая, что он снял её с подушек, которые она каждую ночь обнимает, но не дала

этому выйти наружу.

«Что могу, то и обнимаю», – мысленно ответила она ему и чуть ли не показала язык. Так по-детски.

– Не делай так больше. Я наивна, словно бездомная собака. Это нечестно. – Фен только пожал плечами, как бы говоря: «А что я сделал?»

И всё же она надела худи. Сидя с бокалом пива, она начала водить пальцем по точкам и тире на своей груди.

Фен разрешил себе немного поиграться.

– Что это значит? – кивнув на вышивку на худи, с приторным любопытством.

– Это цитата. Из книги. Моей любимой – Ида с теплотой посмотрела на надпись.

Фен откинулся в кресле, не веря в услышанное.

– Это глупо. Просто Я была пьяна. Очень долго и очень сильно. Было плохо. Но однажды я проснулась в ней и поверить не могла. Это так странно. Это неизвестный роман, довольно фривольного содержания. А кто-то сделал такую надпись. Такое не купить, я проверяла. Но я не помню Я очень много не помню. И плохого. И хорошего. Но, кажется, я помню этот запах

Ида натянула худи на нос.

Фен сглотнул.

Он смотрел на притихшую Иду и мечтал в своих мыслях обнять её. Крепко-крепко. Но нельзя. Пока нельзя. Для неё пока нет места в его жизни.

Он закинул ноги на перила, чем подал пример девушке. Он уже помнил её такой. Помнил её обнажённые ноги в той же худи, в свете тех же огоньков.

У него встал.

«Блядь. Кусок дебила».

Фен отвернулся в сторону своего дома в поисках чего-нибудь спасительно омерзительного. И он нашёл. Собственный балкон обдал его ледяным душем.

– Ты снова уедешь в конце лета? – пора было разрушить атмосферу. Пора возвращаться.

– Да, в середине августа. Надо возвращаться в офис. Погоди снова?

– Вернёшься следующим летом?

– Не знаю. Может, да. Может, не в этот дом. Не знаю. Просто – Ида глубоко затянулась и бросила взгляд мимо Фена, на балкон позади него. – Просто боюсь привыкнуть.

На светлых шторах виднелся танцующий силуэт Марины на кухне.

– Я бы так не смогла. Я знаю только тридцатилетнюю усталость, я не помню двадцатипятилетнюю лёгкость.

На вопросительный взгляд Фена она мотнула головой на танцующий силуэт и продолжила:

– Я почти уверена, что у неё есть ответы на все вопросы. Хорошо, наверное, быть с человеком, который точно знает, что будет завтра, и всегда счастлив.

У Фена подступил ком к горлу.

– Ты счастливчик, – подытожила Ида и снова зарылась носом в худи. – Она ждёт тебя, наверное.

Фену показалось, как будто ему прилетело под дых. Он получил то, что заказывал. Его вернули в реальность.

Фен встал, обошёл кресло Иды и остановился у неё за спиной. Ему почему-то захотелось попросить прощения. Но за что?

Он легонько потрепал её по волосам и, выходя, бросил:

– Отдохни. Ты выглядишь уставшей.

Ида ничего не ответила. Она не двигалась. Она продолжала смотреть на силуэт в чужом окне. Она выпала в смесь фантазий и воспоминаний, и у неё не было якоря, по которому она могла бы вернуться назад.

Спустя какое-то время на балконе зажёгся огонёк. Потом ещё один. И ещё один.

Так Ида и уснула.

Глава 10. Предел

Фен курил одну сигарету за другой, наблюдая, как Ида засыпает в том же положении, в каком он её оставил. Марина болтала с подругой уже битый час, обсуждая в основном рабочие сплетни. Когда она наконец умолкла, начался ритуал масок. Для каждой части тела – своя, и не дай бог их перепутать: нос на коленке отрастёт.

Это конец. Пора быть честным с собой. Даже если она не вернётся. Это не о ней.

– Замёрзнешь ведь – пробормотал он, продолжая смотреть, как Ида спит.

У него даже на секунду пронеслась мысль вернуться и накрыть её. Но кто он такой, чтобы позволять себе такое?

Он вернулся на кухню. Заварил себе свежий кофе и смотрел на беготню Марины от одной баночки к другой.

Шесть лет Общая жизнь. Сотни обещаний. Как я могу положить этому конец? Это разобьёт её. Могу ли я сделать ей настолько больно? Она же не сделала ничего плохого Просто Я так долго её не люблю. И, кажется, никогда не любил. Если бы мы жили у неё, было бы проще уйти. Как я могу её прогнать? Хотя сколько раз она говорила, как ненавидит это место. Где-нибудь в другом месте ей будет хорошо. Только как это сделать? Почему мне потребовалось так мало времени, чтобы возненавидеть тебя?

– Малыш, ты о чём так задумался? Ты как будто дыру во мне хочешь прожечь, – смеясь, девушка опустилась на колени парня. – Как прошёл ужин? Надо бы мне к ней заглянуть и извиниться. Нехорошо получилось.

– Не нужно. Её вымотала работа, она планирует отдыхать. Потом зайдёшь.

– Ты какой-то странный. Всё в порядке?

«Я хочу... Скажи это. Скажи! Я хочу расстаться.»

– Я хочу тебя.

Фен резко развернул девушку на себе и грубо поцеловал. Это нельзя было назвать сексом. Он был груб и мстил той, которая ничего не сделала, за собственную слабость. В какой-то момент Марина даже умоляла его остановиться, но он становился только жёстче. В его затуманенной яростью голове вертелось: «Я терпел – и ты терпи». Он остановился только тогда, когда Марина его укусила, вернув в реальность.

– Да что с тобой не так? Ты обезумел?!

Марина отвесила ему пощёчину, закрылась в ванной и заплакала.

– Блядь – тихо выругался Фен.

Он не мог ответить ни на один её вопрос. Он никогда таким не был и не понял, как мог так сорваться. Он же почти изнасиловал собственную девушку.

«Что я, блядь, творю?»

Фен оделся, подошёл к двери ванной, откуда доносились тихие всхлипывания. Он упёрся лбом в дверь и бессвязно

бормотал:

– Прости Я Уйду. Выходи. Я Прости. Я... Просто прости.

Я уйду.

Фен ушёл к реке.

« Я знатно проебался »

Глава 11. Освобождение

Жизнь Иды вошла в череду повторений. Утром – на рынок, потом поработать, приготовить обед, доработать, выйти на пробежку, чтобы сбросить остатки работы с плеч, приготовить ужин и засесть за книгой или сериалом. День за днём. Она увязла в этой рутине и была на удивление счастлива. Завтра будет так же, как вчера. Кажется, она никогда ещё не чувствовала себя такой отдохнувшей.

Иногда по вечерам она мысленно возвращалась к знакомому балкону. Но огонька давно не было видно. Две недели она ни разу не сталкивалась ни с Феном, ни с Мариной. Свет в окнах иногда горел. Но было странное ощущение, что там нет жизни.

Она не врала себе, что немного соскучилась. Ей нравилась его компания – тихая, безмятежная. Марина нравилась ей меньше. Её было слишком много. Но не все люди, с кем она общается, ей нравятся. Приходится мириться с такими мелочами. С каждым годом всё сложнее заводить друзей. Ида радовалась новым людям. Просто не знала, как это закрепить. Это навевало на неё лёгкую тоску.

У неё скоро день рождения. Она могла бы пригласить их отметить вместе. Прошлый был как в тумане. Вроде там был клуб. Она могла бы заказать столик. Но как их пригласить?

«Я, наверное, могу просто постучаться. Это допустимо?»

Или...»

Праздновать в одиночестве очень не хотелось. Все её близкие друзья были разбросаны по миру, и их редкие встречи ограничивались видеозвонками, которые заканчивались, когда дети уже не выдерживали ревности к отвлѣкшимся от них родителям. Ничего страшного не случится, если она просто постучит. Он же сам показал свой балкон.

Вечером Ида дождалась, когда в нужных ей окнах зажёгся свет. Она взяла приготовленный вишнёвый пирог – ей показалось неприличным приходить с пустыми руками. Проблема возникла у подъезда. Она не знала код. И откуда бы ей его знать. Об этом она не подумала и почувствовала себя неловко, как незваный гость, кем она и была. Она уже развернулась уйти, поругав себя за нахальство, но дверь подъезда открылась, и она почти инстинктивно её придержала. Она уже приняла решение уйти, но застыла в нерешительности. Это просто приглашение. Тем более Марина так и не пришла на тот ужин. Пригласить её будет правильно.

Она поднялась на третий этаж, ещё раз в голове пересчитала окна и постучала в дверь, которую рассчитала. В её глазах она выглядела глупо с этим идиотским пирогом.

Дверь открылась. Перед ней стоял Фен. Его вид было сложно описать. По запаху она поняла, что выпито было много, но стоял он ровно. Хотя ей показалось, что он не понимает, кто перед ним стоит.

Ида не могла начать первой. Ситуация казалась странной

и опасной. Она это чувствовала кожей.

Фен долго её осматривал. Провёл пальцами по руке, в которой Ида держала пирог, и безразлично спросил:

– Этот пирог для меня?

– Да, – резко сорвалось с языка. – Точнее нет ну то есть да. Для вас. Я хотела

– Зайдёшь? – Фен повернулся, приглашая её войти.

– Я не уверена. Всё нормально? – Ида сделала шаг, но тут же отступила назад, чем вызвала ухмылку Фена.

– Этот пирог для меня?

– Ты пьян?

– Да. А ты?

– Нет.

– А хочешь?

– Нет.

– А пирог хочешь?

– Что?

– Ты держишь в руках пирог.

– Эм да, пирог. Я принесла для вас с Мариной. У меня скоро день рождения, я хотела вас пригласить и вот испекла пирог вместо бумажного приглашения. Хотя непонятно, делает ли кто-то до сих пор бумажные приглашения на дни рождения. Давно я не праздновала, – Ида откровенно нервничала и тараторила. Её пугало состояние Фена, которое она не понимала.

– Нет Марины.

– Ну, когда придёт, съедите вместе. А я лучше, наверное, в другой раз зайду.

– Не съедим.

– Я не очень понимаю.

– Ты.

– Я?

– Да, ты, – Фен стоял, скрестив руки на груди, облокотившись на косяк. Он больше был похож на пустую оболочку, чем на человека.

Всё внутри Иды кричало – бежать. Всё кричало, что будет беда.

– Я зайду в другой раз.

– Останься.

Ида попятилась, но Фен перехватил её и затащил в квартиру. Пирог упал посреди прихожей.

Ида была напугана. Она не могла противостоять этим габаритам. Никогда в жизни она ещё так не боялась другого человека.

– Мне страшно, – сказала она.

Фен как будто отрезвел и резко отскочил от неё.

– Прости. Я не хотел. Просто после всего и ты на моём пороге

– После чего? – Ида встала рядом с дверью, заранее планируя побег.

– Я бросил Марину.

– Мне жаль, – Ида пыталась его поддержать чисто меха-

нически.

– Разве? – уже сидя на полу, закинув руки на колени, с издёвкой спросил Фен.

– Ты пьян, и, наверное, тебе бы лучше успокоиться и прилечь, – Ида была в двух шагах от паники. Она не понимала, о чём это всё и свидетелем чего стала, но атмосфера почти душила, выбивая воздух из лёгких. Она пятилась назад.

– Успокоиться мне? Ты говоришь мне успокоиться? Ты перевернула мою жизнь. И хочешь, чтобы я был спокоен. Ты издеваешься? Скажи честно. Ты ведь всё помнишь и просто издеваешься?

– Я правда не понимаю, что происходит, и я пойду. Поговорим в другой раз, – Ида развернулась, чтобы убежать.

Но грудь Фена прижала её к двери. Одной рукой он вцепился в ручку, другой упёрся в зеркало на двери в паре сантиметров от её лица. Ей в нос ударил резкий запах табака. Ещё чуть-чуть – и она просто потеряет сознание.

Фен упёрся лбом в её затылок. Она почувствовала горячее дыхание на шее.

– Ты – Фен перешёл на шёпот, и казалось, что голос дрожит, будто он сейчас заплачет. – Ты носишь мою худи. Я второе лето смотрю, как ты без стеснения носишь мою худи. Ты носишь её. Обнимаешь её. И каждое лето в ней же исчезаешь. – каждое слово становилось всё громче.

Ида замерла. Паника почему-то резко исчезла. Она испытала странное чувство успокоения.

– Ты сидишь на своей террасе в моей худи. Ты читаешь в ней книги. Ты в ней дроишь. И ты хочешь, чтобы я успокоился? Ты праздновала свой прошлый день рождения со мной. Твои тридцать лет ты отпраздновала, отсасывая мне в кабинке туалета, пока на танцполе веселилась Марина. Я до сих пор помню вкус того торта. И ты просишь, чтобы я успокоился? Ты приглашаешь меня отпраздновать твой тридцать первый день рождения в тот же клуб. Тебе не кажется, что я был спокоен достаточно долго? – к концу он уже кричал, срывая голос.

Ида заплакала. Как она могла быть так наивна. Как она могла думать, что вернётся в этот дом и последствий не будет?

Фен сделал два шага назад и молча смотрел на плачущую Иду.

– Я больше не держу тебя.

Только в этот момент Ида поняла, что действительно освободилась от груза широкой груди. Она вышла, не оборачиваясь. Она боялась посмотреть в лицо последствий своих решений. Она бежала вплоть до дома. И вот там уже дала панической атаке войти в себя.

Она рухнула на пол, не в силах отдышаться. Ей нужно было двигаться. Она уже в доме, но чувство, что нужно бежать, никуда не ушло. Она металась по дому, не понимая, когда остановиться. Сама она не могла. Но смогло тело. Из-за частого дыхания у неё поплыло перед глазами, и она начала

сползать по стене. Дыхание замедлялось, пульс становился ровнее. Тишина леса проникала в дом всё больше и убаюкивала.

Ида лежала на полу. Мыслей было слишком много. Она даже не поняла, как сделала уже привычный жест – натянула худи на нос в поисках успокаивающего запаха, который давно пропал.

«Всё это время это был он», – в пустоту дала вердикт Ида. Накатила усталость.

Ида так и провалилась в сон на полу.

Глава 12. Домой

Рабочий общий чат

Ида, 16:11: Коллеги, я сильно заболела. Я завтра офф, выпадаю на время. Подлечусь и вернусь.

Бухгалтер Лена, 16:13: Леночек, я приболела, давай, чтобы не напрягаться с больничным, зачтём мне эти дни в осенний отпуск.

Шаболда проектная, 16:17: Эля, привет! Я что-то подхватила. Совсем без сил. Отдай, плиз, последний проект Максусу. Мои заготовки на серваке уже лежат. Я пока не понимаю, как быстро оклемаюсь.

Сестрёнка, 16:25: Дорогая, позвони мне, как будет удобно. Ты мне нужна. Я в жопе.

Мама, 16:38: Не спишь?

Ублюдок, 17:11: Встретимс... Встрет... Встре... Встр...

Ида стирала медленно, букву за буквой. Телефон в руках завибрировал. Мама.

– Какой «не спишь» в пять вечера? Ты чего? – спросила мама, и Ида услышала на фоне шум посуды. – погоди, включу громкую.

– Да я просто так. Давно не звонила. Что делаешь?

– Готовлю. В два часа закончилась служба. Вернее, в два часа я уже дома была. Меня сосед привёз.

– Который тебя всегда подвозит?

– Да. Ну, у меня там ещё один у нас в храме есть ещё один парень, который по Волгоградке едет на МКАД. Домой когда. И я говорю: «Серёж, подбросите меня, если что». Он говорит: «Да». А потом образовался Володя, и я говорю: «Ой, спасибо большое, меня он прямо практически к дому подвёз».

– А из какой он квартиры? Что-то я не помню.

– Да нет, я просто к нему когда-то ходила на массаж. Он живёт на соседней улице, поэтому я его называю соседом. Ну, короче, я так и называю – сосед и сосед, всё. Долго объяснять. Да вы знаете, там вот, сосед, всё. Поэтому он меня и привёз. Да, в два часа я уже была дома, поела, легла, ну и где-то в три я заснула.

– Пост закончился? Расскажи, что вкусного съела сразу? – Ида откинулась на диване на кухне и закрыла глаза, слушая родной голос.

Мама была рада поделиться:

– Ой, ну я приготовила себе курицу с грибами в сливочном соусе. Да голяшки купила. Сегодня я их разобрала, убрала косточки, оставила только мясо. Короче, у меня курица в сливочном соусе, я рис приготовила себе, хотя у меня ещё макаронки есть. Потом у меня есть ещё, ну, овощи – это овощи просто. А так я позже ещё бастурму попробую, которую мне клиентка приносила, очень вкусная вроде. Я её достала из морозилки, в холодильник положила. Очень вкусное мяско. А ещё я купила себе торт «Птичье молоко». Короче,

да. Потом мне ещё клиентка подарила макарони, классные какие-то макаронки. Вот, короче, я их засунула в морозилку.

– А их можно замораживать? – искренне заинтересовалась Ида.

– Ты знаешь, я залезла, посмотрела, потому что так как я забыла и купила торт, я думаю: блин, что же мне делать? Я залезла, погуглила – можно ли замораживать макаронки. И одна девочка пишет: «Ой, можно, я очень люблю их замораживать. Я их потом даже люблю замороженными грызть. То есть как мороженки». И я быстренько бросила их туда, потому что они там натуральные, там, знаешь, какие-то натуральные бананы, ягоды.

– Любопытно. Я думала, что из-за того, что там эта миндальная мука и типа она нестабильная, то нельзя. Приколльно.

– Я, правда, не знаю, какие они будут. Я тебе потом скажу, если они разморозятся. Но мне кажется, они как были, так и будут. Потому что практически все торты, которые я замораживала в морозилке, они вообще не менялись. Миндальные торты, вспомни, они все замороженные продаются. Мы же с тобой покупали в Икее. Они вкуснейшие – как были, так и остаются. Короче, да, всё, я это заморозила. Чё-то я ещё ну, как всегда жадность я ещё себе купила эти сырнички, значит, тоже заморозила.

– Ты Альф с семьёй желудками, – смеялась Ида.

– Не, ну я всё заморозила. Я ем-то порциями, они неболь-

шие. Просто у меня глаза завидующие – это да. Но видишь, я зато потом всё морожу и потом долго-долго-долго это всё ем. Вот. И, слушай, я как-то видела эти я тебе говорила вот эти на хлебушке делаются такие, как ленивые роллы. Они делаются не на рисе, а на хлебушке. Когда ты смешиваешь и разбираешь на полоски крабовые палки, потом туда кубиком резанные помидорки мелко, потом сыра чуть-чуть натёртого и чуть-чуть там икра такая в банке, как икорное масло, и чуть-чуть этого масла. Короче, всё это смешивается, выкладывается на тонкий-тонкий кусочек багета и убирается в духовку, и потом достаётся, когда они поджарятся, и терияки соусом полить. Хотя можно и так, если соуса нет, но я и соус купила. Всё купила, короче. Вот это ещё потом сделаю, и вот эти хрустяшки на хлебушке. Это как ленивые тосты. Получаются как роллы, короче. Вот такая штука – красота. Ну я ещё не пробовала всё это. Я ничего просто не вскрываю пока. Я не съем всё это сразу. А ты что делаешь?

– Я только встала недавно. Я вчера – Ида запнулась. – Я вчера, когда ложилась, случайно разлила воду на постель. Забрала сухие подушки и спала на диване, – не совсем ложь, но и не полная правда. – Накрылась пледиком. Тут тепло. Я хорошо поспала на диване.

– На диване у тебя, наверное, не вытянешь ноги.

– Да мне это не важно. Я их особо и не вытягиваю. Я лежу себе калачиком и лежу, вот. Поэтому. И с моим-то ростом мне не так сильно их надо подгибать, на самом-то деле. Я же

коротыш. Вот, поэтому, собственно говоря, я поспала и вот проснулась где-то часик как.

– Слушай, а мне кажется, что я заболеваю чуть-чуть. Хотя это непонятное состояние. Помнишь, как тебя неделю мучило? Всё, я заболеваю, всё, мне как в детстве. Ну, короче, у меня есть витаминка С, и я достала, и думаю – попью я чуть-чуть витамин С, – перебила Иду мать.

– Витаминку С надо пить заранее.

– Ну, я считаю, что я ещё не заболела, и я заранее вот и начинаю. Самое главное – быть хитрожопой.

– Есть логика.

– Короче, вот, да. Ладно, давай балдей там. Я завтра тоже ещё выходная, поэтому мне так радостно, что я завтра выходная. Потому что думаю: я буду валяться, я буду чай пить с малинкой, я буду есть всё, я буду витаминку С пить, я себе тостики сделаю завтра. Думаю, мне так хочется это – поваляться ещё завтра, а уже потом пойду работать, – подытожила мама, завершая разговор.

– А я сегодня убираться думала. У меня сейчас, конечно, просто хлам. Ну, у меня везде инструменты разбросаны, вот это вот всё. Я хотела тут задержаться, но – Ида не закончила мысль.

– А, слушай, ну наведи порядки. А в саду ещё надо навести порядки. У тебя там ужас.

– Да, но что-то сил нет. Поэтому я думаю, что сегодня я позволю себе ещё побалдеть

– Да, посмотришь по настроению, – поддерживала мама.
– Иногда просто бывает так. Да-да. Побалдеть, побалдеть, а потом хренак – и убраться всю квартиру за час.

– У нас это где-то в генах, – засмеялась Ида.

– За час у меня не получается. Я если разбираю, то я уже конкретно всё разбираю, всё делаю. Подольше получается. Но в любом случае, да, уже берёшься так Просто настроение вдруг, когда выспишься, отоспишься, и вдруг за какое-то дело зацепишься – опаньки – и поехала.

– Мне приготовить что-то надо, у меня пустой холодильник.

– Надо подесть, да, а потом остальным заниматься.

– Ну, я думаю, я приготовлю просто себе супчик

– А, супчик хорошо. Куриный?

– Да, потому что что-то...

– Ой, взять курочку и такой наваристый супчик сделать.

Вкусненький, вкусненький.

– Мне что-то нехорошо немного.

– Надо взять три бёдрышка и сварить супчик вкусненький.

– Да, да, да, да – соглашалась со всем Ида.

– Понятненько. Да. Ладно, балдей давай. Давай, целую, пока.

– Целую, – ответила Ида уже в пустоту.

Глава 13. Эхо

Фен смотрел на убегающую спину Иды. Он заслужил. Он смотрел на зеркало на входной двери, на котором, казалось, застыли слёзы Иды и след его ладони. История повторяется. Они обе плакали. Но почему только сейчас ему больно?

Разрыв с Мариной вышел громким.

За три дня до этого дурацкого пирога, который сейчас валялся у него на полу, он тихо пришёл с работы – собранный как никогда. Взял Марину за руку. Молча посадил её за кухонный стол и следом сел напротив. Ему понадобилась некоторая решимость, но в итоге он холодно и тихо выкинул слова:

– Я хочу, чтобы ты ушла. Я хочу расстаться. Собери, пожалуйста, всё, что посчитаешь нужным. Остальное я выброшу.

Повисла тишина.

Осознав услышанное, Марина засыпала его сотнями вопросов о том, что произошло. Искала причину в плохом дне, работе, настроении. Но человек напротив неё был непробиваем. Там и человека-то не было. Он просто коротко обрезал все попытки на спасение холодным:

– Я хочу, чтобы тебя тут не было.

Марина плакала, сыпала вопросами о том, что она сделала не так, предлагала терапию, была готова на всё. Она вце-

пилась в безразличные колени Фена и умоляла его не разрушать то, что они так долго строили. Она обещала исправиться, обещала быть лучше.

Но правда была в том, что ей не нужно было становиться лучше. Она не была плохой. Она просто была ненужной.

Фен облокотил голову на стену и молча позволил истерике идти своим чередом. Скоро будет гнев. И он готов к нему. Он готов ко всему, что сегодня произойдёт. Он прокручивал этот сценарий давно.

Безразличие Фена действительно вызвало волну гнева. Марина начала его пинать, пощёчины летели одна за другой.

Фен просто ждал.

Он ждал тишины.

Через полтора часа истерики, поняв, что собираться она и не думает – всё в её словах и действиях кричало о том, что она цепляется и будет драться, чтобы всё сохранить как есть, – он обулся, лоя спиной проклятия.

– Я вернусь через два дня. Забери всё, что захочешь, но всё, что останется, я сожгу. Не трать силы на меня. Тут нечего спасать.

Фен вышел из дома и двинулся по инерции – не куда-то, а просто шаги, неважно куда. Он достал телефон и набрал отца Марины.

– Я не буду оправдываться. Я бросил Марину. Она разбита. Приезжайте прямо сейчас. Она у меня в квартире.

И, не дожидаясь ответа, повесил трубку и отключил теле-

фон, который разрывался от сообщений Марины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.